Белое озеро

Озеро Белое в тихом лесу
Мхами укутано словно мехами.
Звезды застыли над ним на весу,
Месяц — горбатый механик

Все починяет небесную твердь,
Черные дыры латает.
Кто это, кто это, месяц, ответь,
Звезды с утра выключает?

Белое озеро в розовой мгле —
Словно вселенское око,
Где на большой-пребольшой глубине
Прячутся щука да окунь...

Все дороги ведут не туда.
Все дороги уводят от Бога...
Может, Бог — это тоже дорога
Вдоль по небу из тонкого льда?

Не найти нам счастливую даль...
Счастье — ветер, стихающий к ночи.
Если встретить его ты захочешь,
То в итоге отыщешь печаль...

Не скучай... Просто тихо взгляни
В непроглядную тьму заоконья,
Эту бездну вдохни и запомни —
Там — за тьмой — ярко светят огни...

Время уходит неслышно

Я знаю, что время уходит неслышно.
Скользнув невидимкою прямо на крышу,
Оно там сидит

И смотрит на месяц, на солнце, на звезды,
На зимние стужи, на летние грозы,
На красный «Магнит»...

Как будто бы все обо всех понимая,
Глядит, не мигая, на быстрые стаи
Смешных воробьев,

Бродячих собак, голубей, желтых листьев,
Глядит на потоки немолкнущих мыслей,
Как сохнет белье...

Так время неслышно и неумолимо
Проходит сквозь нас, дальше, выше и мимо —
Авось повезет!

Минуя дворы, перекрестки и парки,
Даря драгоценных минут нам подарки,
Проходит, и всё...

Над хмурыми островами
Плывет голубая ночь.
Там бьется вода о камень,
И некому ей помочь.

Луна — золотое блюдце.
Вдоль башен монастыря
Седые туманы вьются
Как мантия у царя.

Морская волна сердита —
Не любит гостей встречать.
Монахи несут молитву
На слабых своих плечах.

И стелется мхом болотным
Тропинка среди озер.
И ангелов полк бесплотный
На крыльях весну несет.

У бабочки за спиной
Не более чем сияние...
Я слышу ее молчание.
Она же пришла за мной?

Мне страшно смотреть в глаза
И думать о неизвестности.
Ведь мне не хватает честности
И не о чем рассказать...

Я вижу привычный мир
И слышу его дыхание.
Стихи вспоминаю ранние,
В знакомый иду трактир,

Где мир вдруг качнет плечом...
Но образы не меняются,
А в небе фонарь болтается,
Держащийся ни на чем...

Сжигаешь грусть... Подкидываешь дров
И ловишь кайф, когда огонь погаснет.
На каждом светофоре — стоп-любовь:
Упрямо загорающийся красный.

И снова — «ноль» в колонке «результат».
И глупо чертыхаться понапрасну,
Ведь это, право, все-таки талант —
Всю жизнь свою подгадывать под красный...

Когда Рахманинов звучит,
Рояль рыдает и тоскует
И пламя нервное свечи
Перерасти в пожар рискует.

Гудят в ночи колокола,
Пугая птиц окрестных стаи.
А по свече бежит смола.
Или слеза бежит, не знаю.

В опухшем небе отражен
Печальный облик пианиста,
И нотный стан, и горький стон,
И жизнь без цели и без смысла.

Разве что война

И между нами — бездна —
Разверзнувшийся шок.
Я вновь недовоскресла...
Ты выиграл, дружок...

Пишу на небосклоне
Простым карандашом:
«Кто любит, тот не понят...
Кто любит, тот смешон».

Во мне гуляет ветер
И требует вина.
А нам с тобой — не светит...
Ну разве что — война…

Это зима

Небо окатит шквалом метельным,
Вспыхнет огнем.
Город сегодня, похоже, с похмелья:
Тягостно в нем.

Черные мысли, белые стены,
Вязкая мгла.
Чувствую кожей — грядут перемены.
Город-игла

Сердце исколет, пустит по венам
Свежую боль.
Требуют новые маски: «Поверь нам,
Выбери роль».

Город, попавший в снежную клетку,
Сходит с ума.
Это такое безумие, детка.
Это зима...

Она не молчит

Бездомное время улыбок.
Бездумная свежесть идей.
И горькая радость ошибок,
Доступных пока еще ей...

Последняя осень. Последний
Протяжный гудок над рекой.
И тянется дым сигаретный
Печальной, белесой дугой.

Она не молчит, так беседы
Ведет сам с собой человек.
Соседка к ней ходит по средам,
Сосед навещает в четверг.

И тонко царапают душу
Шаги замирающих птах.
Так море выходит на сушу,
И мир обращается в прах...

Мои берега

Малы мне ломаные крылья,
Пространство здешнее мало.
Услышать бы твое «Алло...
Да все нормально. Так… простыл я».

Но в здешнем воздухе — беда.
И бледнолицые заборы,
Как бледнолицые поморы,
Глядят с тоскою в никуда.

Я в окруженье берегов.
Я в центре круга, в центре мира.
Я — остров Ягры*. Майна. Вира.
Я — море меры, море слов.

Ты веришь в слово «нелюбовь»?
Ты чувствуешь, как стало скучно?
Пусть лопнет с треском обруч душный
Сдавивших горло берегов...

** Ягры — остров в районе Летнего берега Белого моря в устье реки Северная Двина.*

Дорога вдаль, на север, в никуда.
Во времена дешевых чувств и песен.
Известно: путь к себе отнюдь не весел —
Здесь часто сходят с рельсов поезда.

Но ты идешь, теряя по пути
Иллюзии, надежды и любимых.
Не видно слез под толстым слоем грима,
Не рвется с губ последнее «Прости»...

Все ровно... Равно как и все равно.
Отныне ты вселенское затишье...
Последнее твое четверостишье —
Последнее разбитое окно...

Ты говорил, что Блок прекрасен...
Мне снились улица, фонарь,
И полумесяц в черной рясе,
И снежный северный февраль.

Дорога к отчему порогу
Вела во сне. Фонарь мигал.
И чей-то голос (может, Бога?)
А может, Блока — стих читал...

И снова не новое чувство зимы —
Мое тридцать первое лето.
Вокруг, что ни горы — то просто холмы,
Какие-то недоатлеты...

Туманятся мысли, теснятся слова.
Когда этот мир подменили?
Трезвее всех стекол моя голова,
И выключен месяц мобильный...

В проклятые прятки с подругой-судьбой
Мы, видимо, зря заигрались.
Дорогу на ощупь отыщет слепой,
Всем «зрелым» и «зрячим» на зависть...